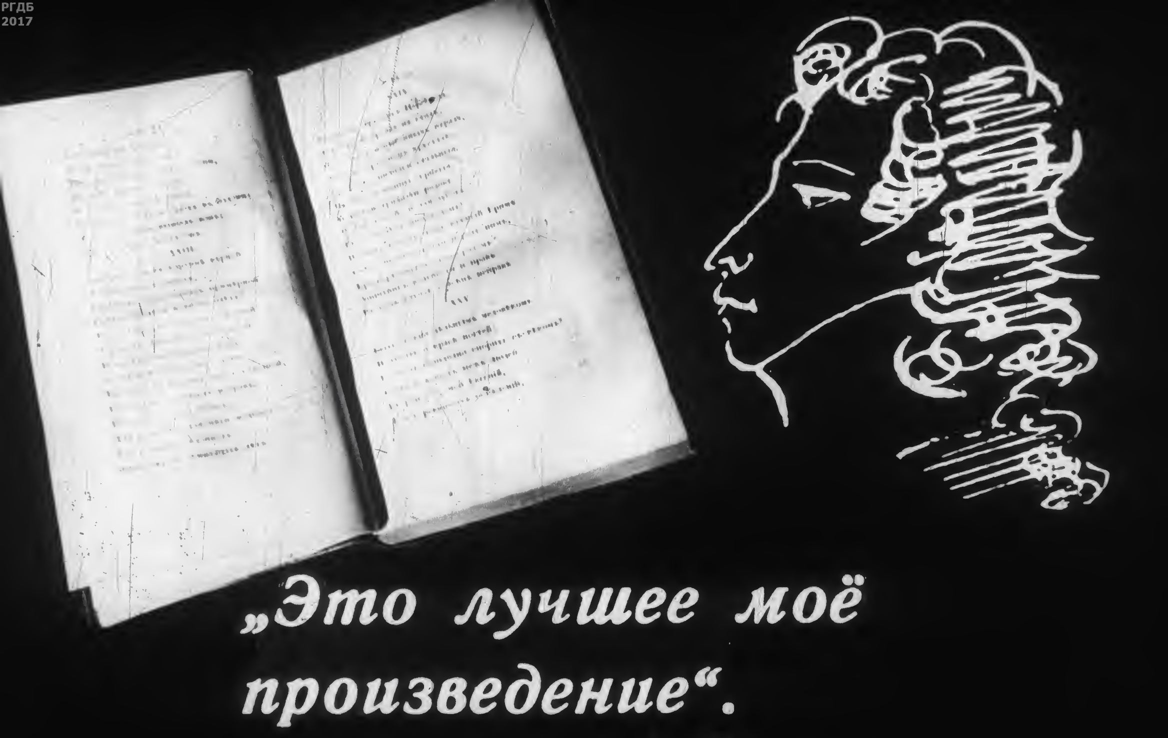
ДИАФИЛЬМ

А. С. Пушкин

„Евгений Онегин"

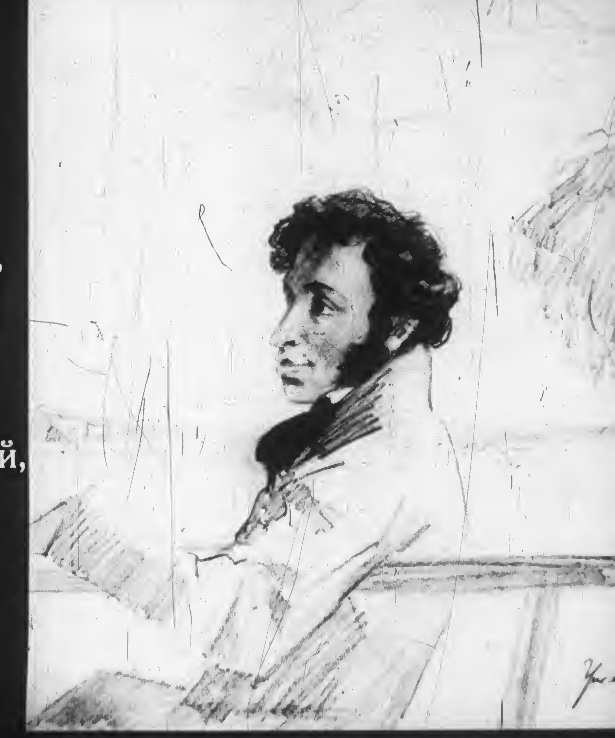
(Комментарии к роману)

„Это лучшее моё произведение“.

А. Пушкин

Прими собранье пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Так писал Пушкин другу в посвящении к одной из онегинских глав.

Работу над романом он начал весной 1823 г. в Кишинёвской ссылке.

А вскоре стараниями друзей Пушкина перевели в Одессу. Здесь, на щедро залитых солнцем набережных, в театре, в толпе, в гуле морского прибоя слагались строфы первых онегинских глав.

Рукописи «Онегина». Их много—черновых и беловых,—раскрывающих всю громадность работы поэта над словом. Изящный стремительный пушкинский почерк. Паузы. Наброски на полях: женские профили, автопортреты...

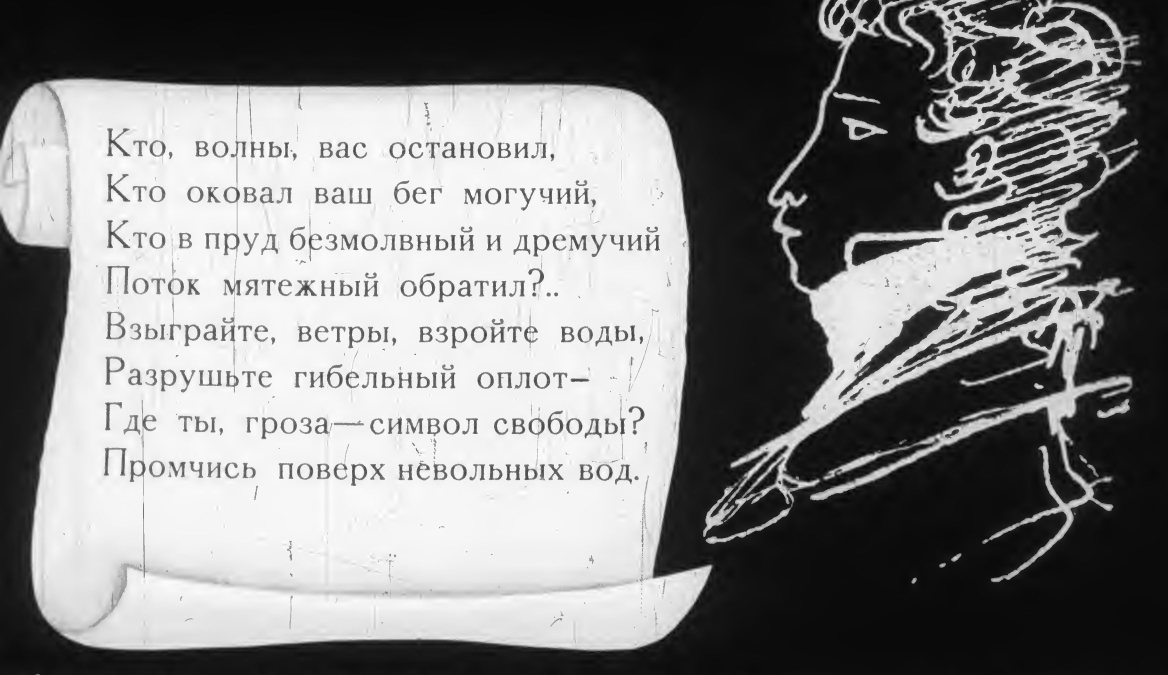

Рядом с судьбой поколения—мятежная и бурная судьба поэта. Это его волнения, надежды, восторги и воспоминания пронизывают роман лирическим одушевлением чувства.

1823 год. Подавлены испанская, неаполитанская революции, потоплено в крови греческое народное восстание. «Народы Европы вместо обещанной свободы увидали себя утеснёнными»...—писал будущий декабрист Каховский.

Греческое восстание.

Кризис европейских революций поэт воспринимал как величайшее крушение личных надежд. Эти стихи, найденные в черновиках «Онегина», позволяют говорить о связи политической реакции в Европе и онегинской «хандры».

Крушение романтических надежд усиливало интерес к реальной жизни, реальным событиям, реальным характерам. Центральной проблемой романа становится проблема героя времени.

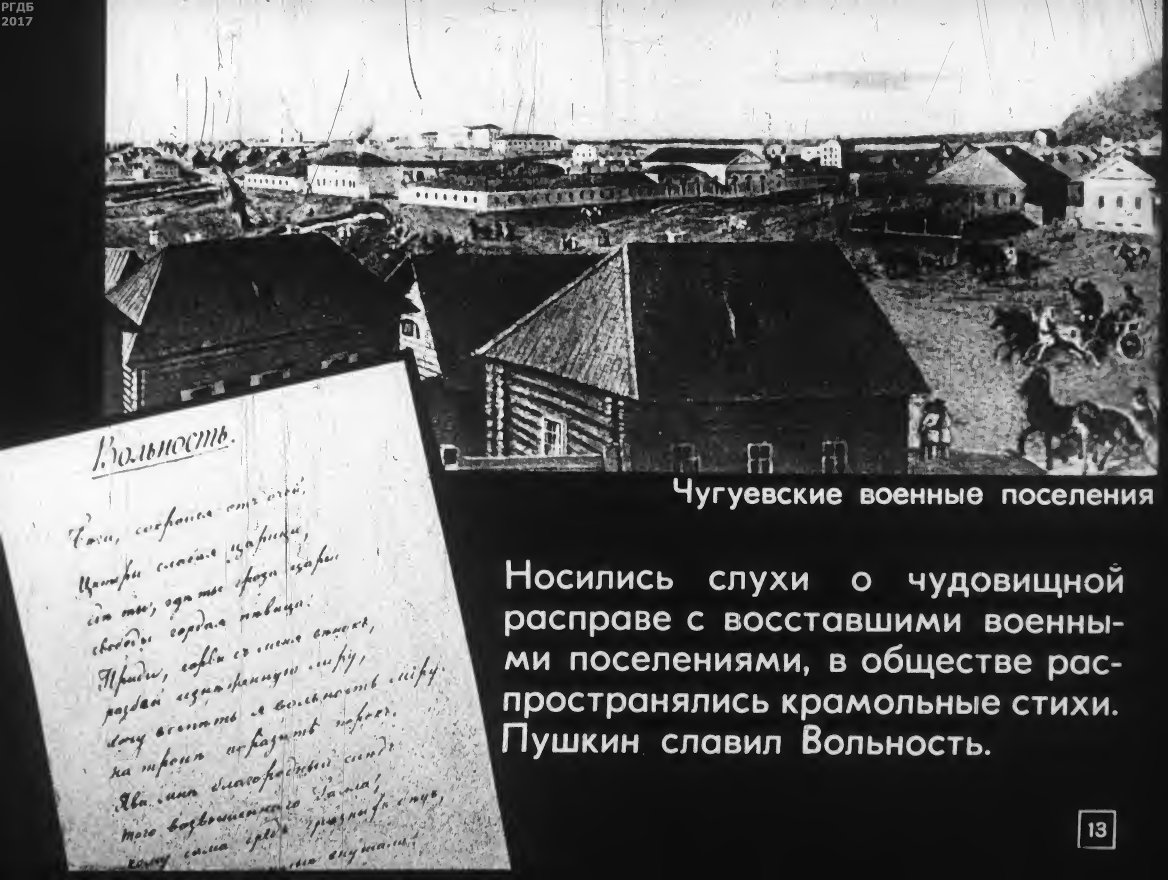
Пушкин и Онегин.

Первая глава „заключает в себе описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года“. Зима 1819 г. была для Пушкина последней перед ссылкой. Впечатления этой зимы легли в основу первой песни «Онегина“.

Петербург конца 10-х гг. В привычном шуме столичной суеты, блеске балов, чопорности гостиных уже начиналось брожение умов, приведшее к событиям 1825 года.

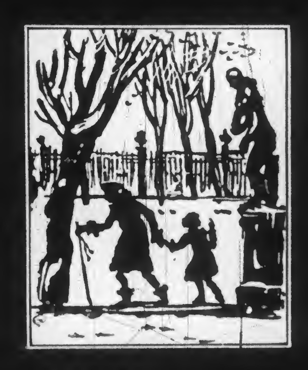

Вольность.
Чугуевские военные поселения
Носились слухи о чудовищной расправе с восставшими военными поселениями, в обществе распространялись крамольные стихи. Пушкин славил Вольность.
13

А в казармах Преображенского полка друг Пушкина, поэт, полковник Катенин уже подстрекал солдат к бунту.

Петербург. Зимняя канавка, где находились казармы Преображенского полка.

...Летний сад. Ещё недавно по его расчищенным дорожкам, упираясь и шаля, прогуливался в сопровождении гувернёра маленький Евгений.

Monsieur l'Abbé, француз убогой,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя...

Воспитание юношества волновало умы. Речь шла о человеческом и гражданском достоинстве будущих граждан России.

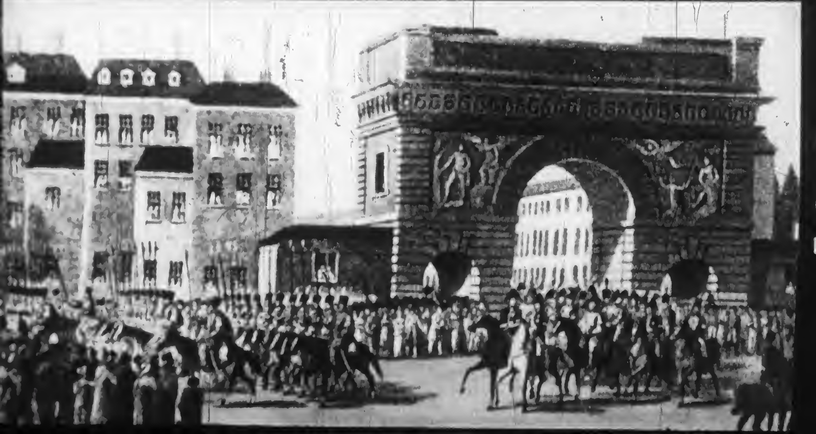

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,-

смеясь и грустя, скажет Пушкин.

Но в памяти его поколения, не давая остыть гражданским чувствам, жил 1812 год: пылала Москва, шли и шли усатые ополченцы,

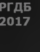

русские вступали в Париж, и гордость Отечеством наполняла сердца.

Мальчики двенадцатого года стали молодыми людьми. Щегольские экипажи развозят их по улицам и набережным Петербурга.

Противоречив и сложен облик поколения. Но всё, что есть в нём мыслящего, чувствующего, всё чаще задумывается над судьбами России.

Пушкин в Каменке среди декабристов.

Прототипы Онегина... Друг Пушкина Вяземский.

Судьба свои дары явить желала
в нём,
В счастливом баловне соединив
ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной
улыбкой.

Человек холодный и разочарованный — «пушкинский демон», как его называли, — одесский приятель поэта Александр Раевский.

Пётр Яковлевич Чаадаев. Щегольская внешность не мешала остроте ума, бесстрашной и глубокой работе мысли. Даже особый чаадаевский «дендизм» станет позднее чертой онегинского портрета.

...Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

Любимым местом петербургской молодёжи был Большой театр. Здесь встречались члены тайных обществ, отсюда расходились по городу политические новости и эпиграммы.

Театр славился лучшей в России драматической труппой. Здесь царствовала великая трагическая актриса Екатерина Семёнова.

Е. Семёнова.

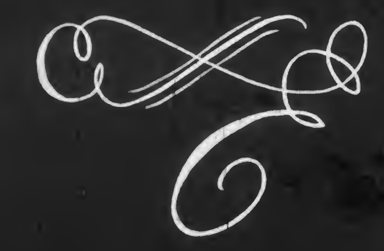

А. Истомина.

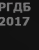
Здесь танцевала Истомина в волшебных и увлекательных балетах Дидло.

В ссылке, отторженный от друзей, от Петербурга, Пушкин вновь и вновь возвращался памятью к театральным увлечениям юности.

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?..

Актрисы.
Рис. Пушкина.

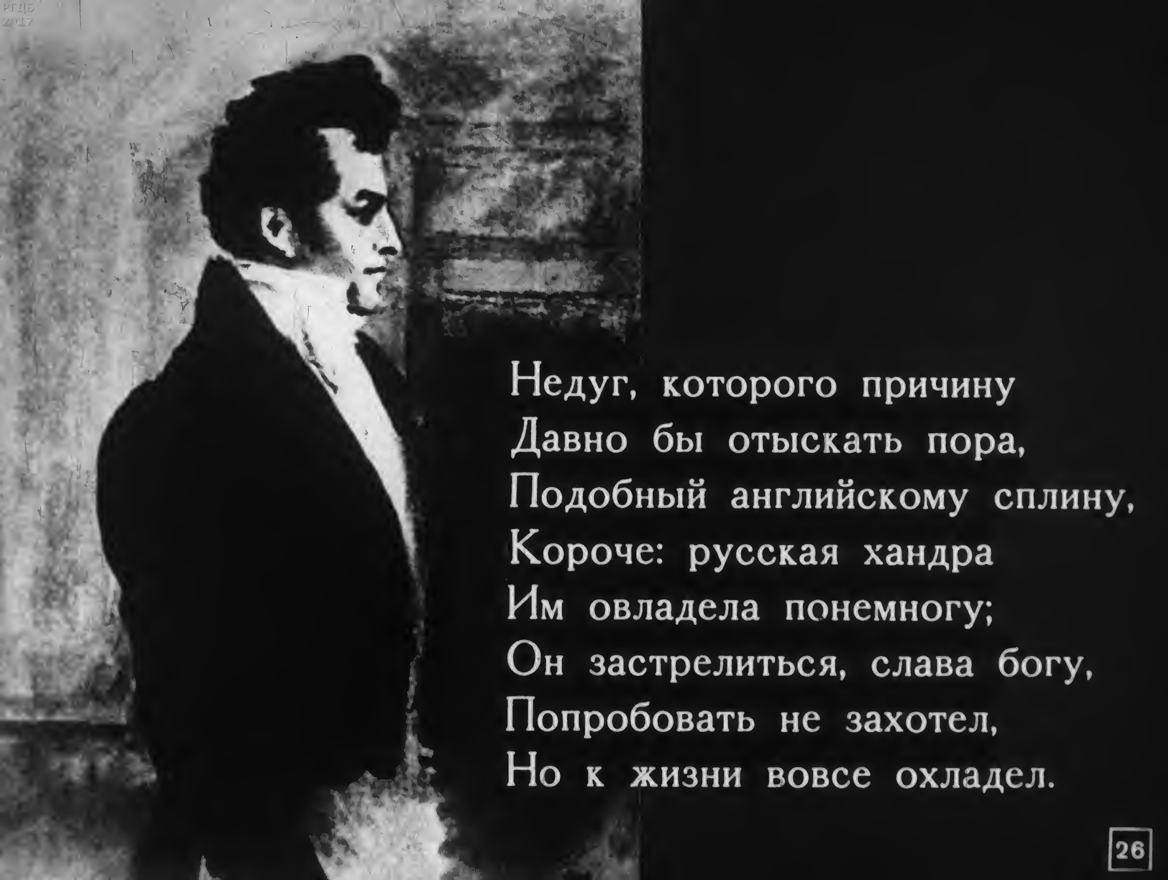

«Онегин в театре».

Онегин не разделяет пушкинских восторгов.

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел.

„Черта охлаждённого чувства“,—замечает поэт. Так впервые возникает тема разочарованности героя.

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.
26

Петербургский бал. Здесь среди музыки, блеска, радостного оживления веселилась светская молодёжь. В описании бала первой главы чувствуется пушкинское упоение жизнью.

Явственней начинает звучать тема лирического героя, сила и страстность подлинного чувства противостоят беспечной лёгкости онегинских побед. И вот уже вместо душных зал возникает простор морской стихии.

Я помню море пред грозою:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!

Юная Мария Раевская, навеявшая поэту эти строки.

И снова Петербург. Когда «Онегин полусонный» возвращается с бала, уже давно проснулся, снуёт по улицам трудовой люд.

Встаёт купец, идёт разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит...

Так показаны социальные контрасты большого города — и в новом свете предстаёт онегинская праздность.

Духовный облик героя раскрывается не только в его занятиях, поступках, но и—косвенно—в вещах, которые его окружают, в убранстве кабинета, в подборе книг. Рядом с безделушками и пилочками для ногтей книги по истории, философии, естествознанию, экономические труды Адама Смита (политэкономией увлекалась тогдашняя молодёжь, в частности, будущий декабрист Н. Тургенев).

Уголок Онегина
в музее А. С. Пушкина
в Москве.

К современной поэзии и назидательной прозе Онегин холоден. „Там скука, там обман иль бред; в том совести, в том смысла нет". И только Байрон, властитель дум пушкинского поколения, захватывает и волнует.

Да с ним ещё два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображён довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

Болезнью века была «онегинская хандра». Об этом говорят дошедшие до нас воспоминания, дневники, письма.

„Жизнь мне снова становилась скучною, тягостною"
(Одоевский).

„Мне невесело, скучно, отвратительно, несносно"
(Грибоедов).

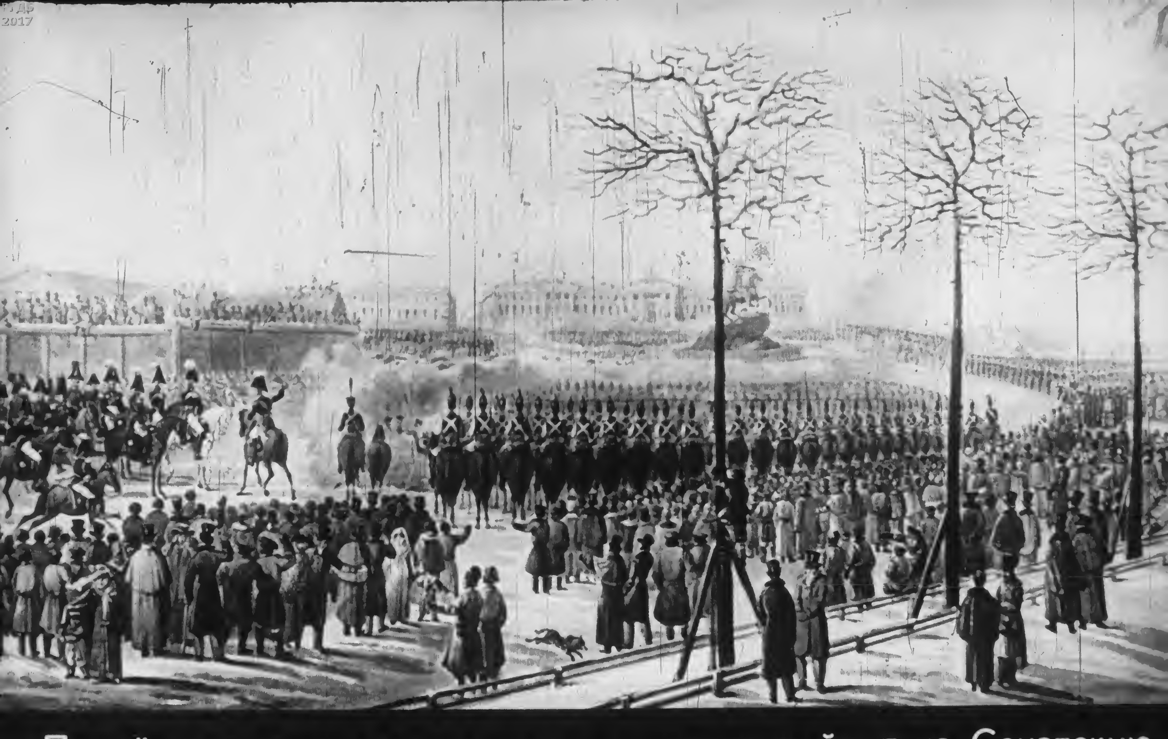
„Книга скуки" — озаглавил свой юношеский дневник Н. Тургенев.

„Чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом"
(Пушкин).

Наказание крепостного.

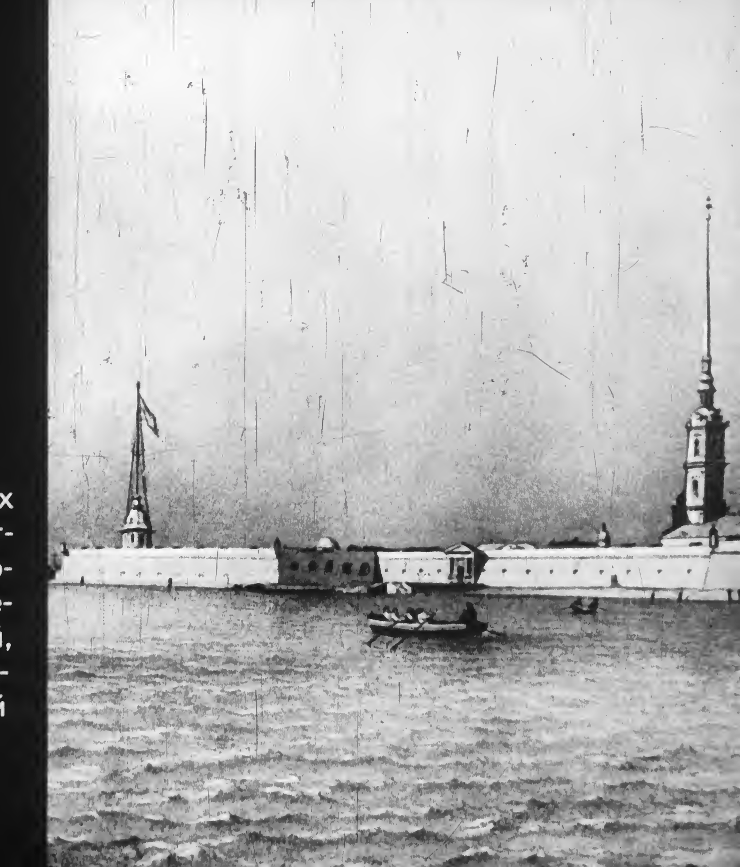
Русская жизнь во всей её «плоской безобразности» — произвол крепостников, циничное неуважение к человеческой личности глубоко оскорбляли понятия и чувства просвещённого человека, порождали горечь, отчаяние, безнадёжность.

Придёт время—и лучшие люди из дворян выйдут на Сенатскую площадь. Но время это ещё не пришло—заканчивается второе десятилетие XIX века.

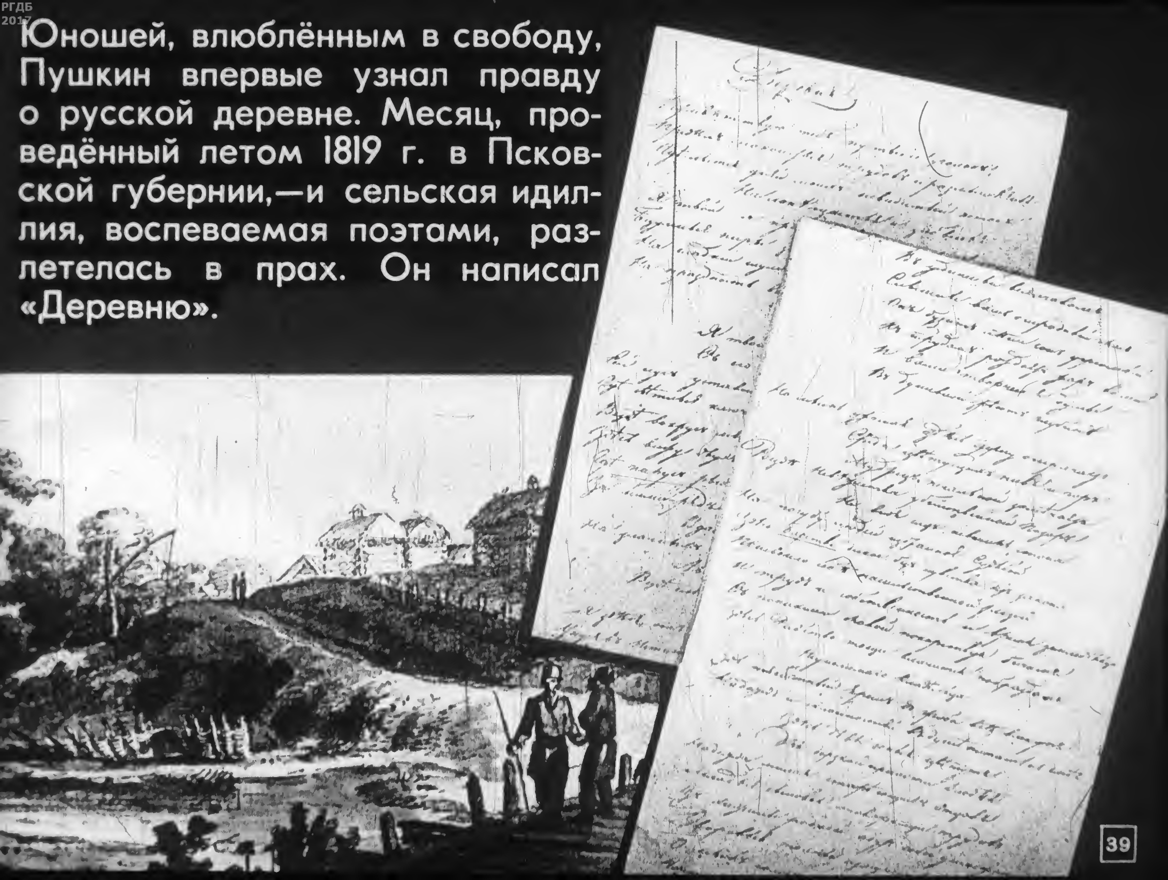
Не случайно в пушкинском наброске для иллюстрации к «Онегину» угадываются контуры Петропавловской крепости. Отсылая рисунок брату, Пушкин настойчиво требовал: „...Чтоб всё в том же местоположении... Это мне нужно непременно“.

Место заточения неугодных правительству людей—Петропавловская крепость стоит перед беседующими предостережением и угрозой, как бы усиливая политический подтекст онегинской хандры.

Вторая—шестая главы переносят нас в усадебную Россию.

РГДБ 2017
Юношей, влюблённым в свободу, Пушкин впервые узнал правду о русской деревне. Месяц, проведённый летом 1819 г. в Псковской губернии,—и сельская идиллия, воспеваемая поэтами, разлетелась в прах. Он написал «Деревню».
39

А несколько лет спустя в «Онегине» рядом с искрящимся описанием русской зимы появились такие строки:

В глуши что делать в это время?
Гулять?—Но голы все места,
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.

(Беловой вариант рукописи).

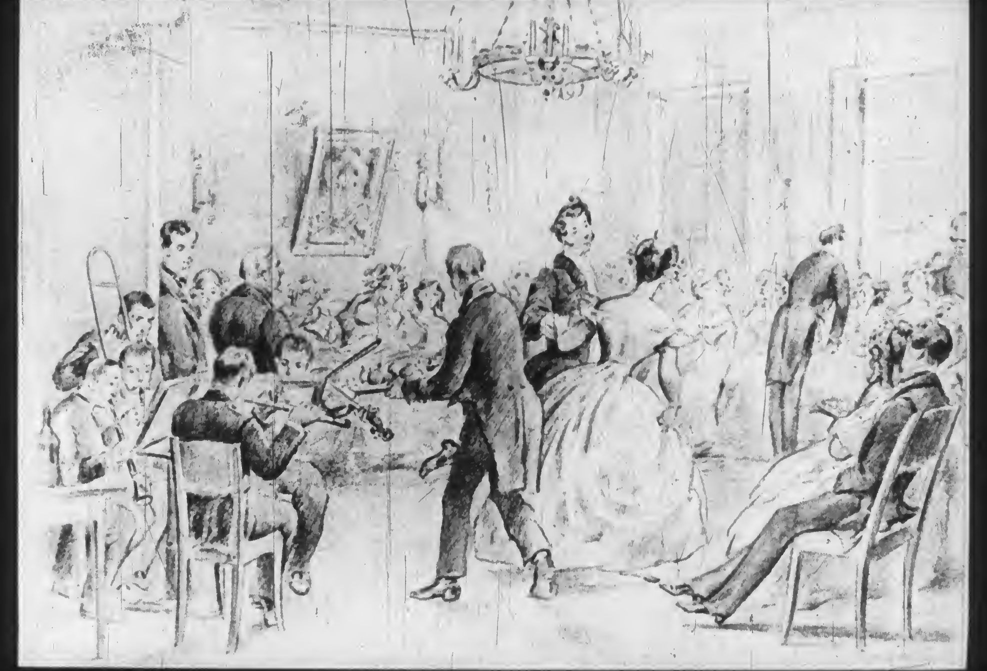

Помещичья усадьба среднерусской полосы. Жизнь этих усадеб, занятия их обитателей—всё было устоявшимся, размеренным, привычным.

Чета помещиков Псковской губернии. Их мог видеть Пушкин.
Вспомните бал у Лариных:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;

Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков...

Мудрено ли, что так упорно избегал соседей по имению Онегин?

Пушкин писал из Михайловского Вяземской: „Что касается моих соседей (он не имел в виду обитателей Тригорского), то сперва я давал себе труд только не принимать их; они не надоедают мне, я пользуюсь среди них репутацией Онегина“.

Село Михайловское.

В трудном одиночестве Михайловской ссылки мужал поэтический гений Пушкина. Здесь написаны центральные главы романа—объяснение Онегина с Татьяной, бал у Лариных, дуэль.

Рощи, озёра, холмы раскрывали перед поэтом свою неяркую, милую сердцу красоту. И под его пером рождались удивительные по своей художественности и правде картины русской природы.

Жаркие летние дни сменялись осенью. Рощи становились сквозными. Потом наступала зима.

„Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне, – скучно, да нечего делать... Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... Она – единственная моя подруга, и с нею только мне не скучно“.

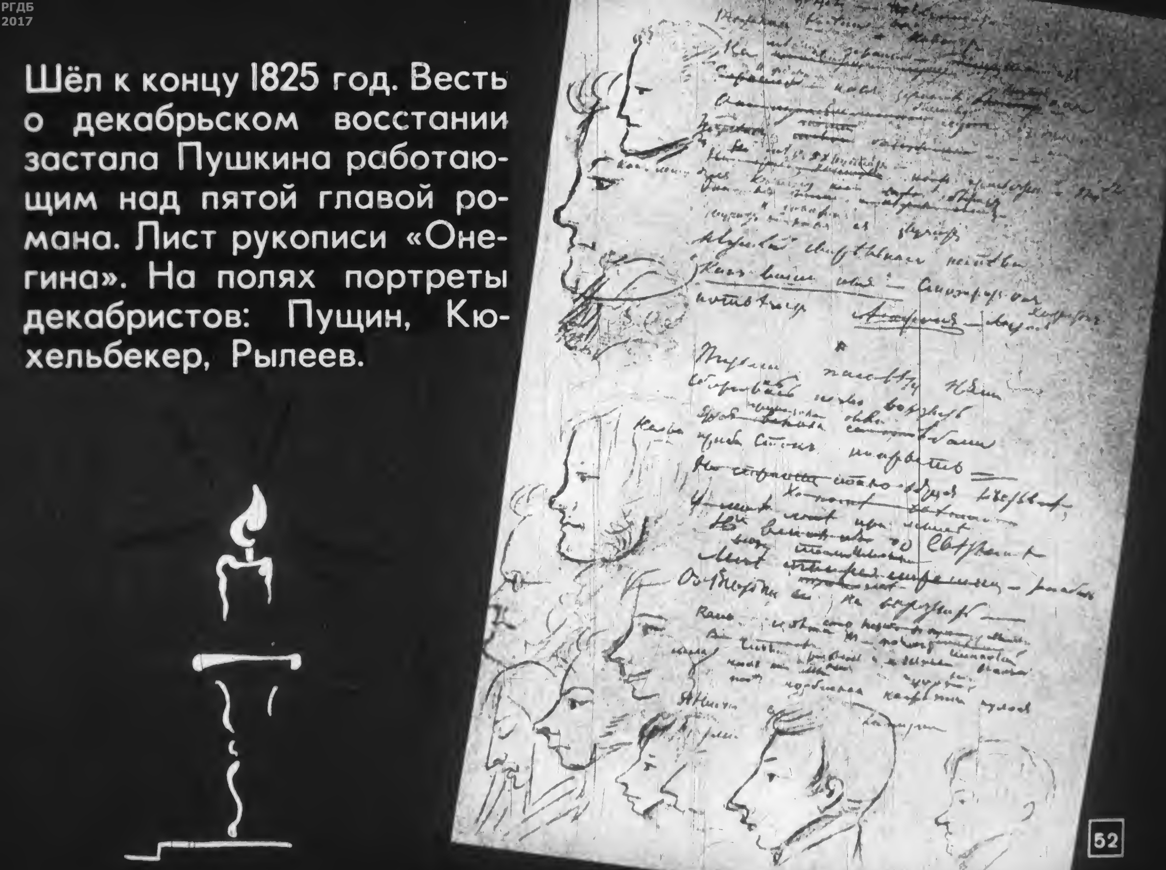
Он постигал поэтический склад, мудрость народной речи. Сказки няни, песни слепцов, подслушанные на церковной паперти, бойкий говор ярмарки,—

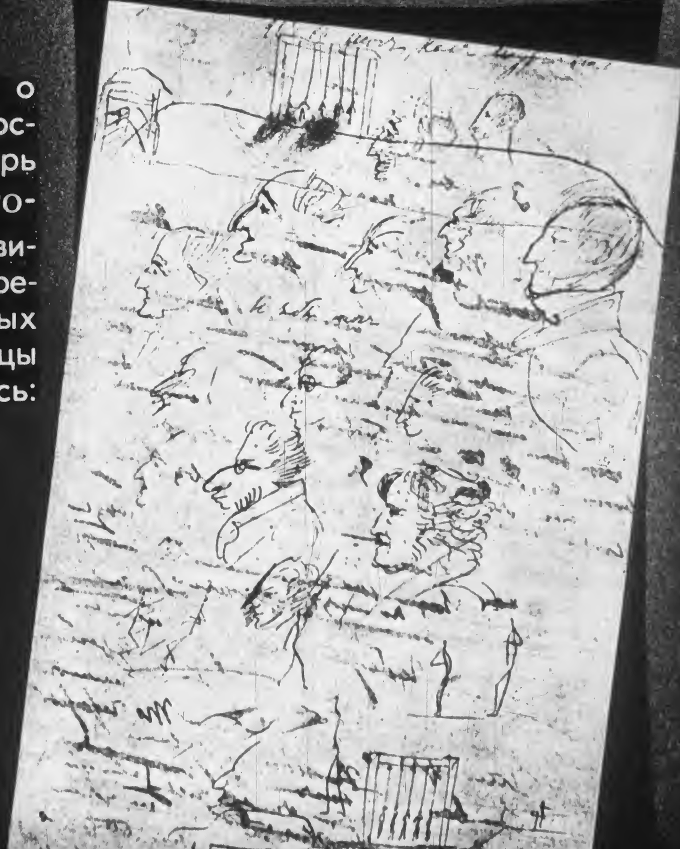
всё переплавлялось огнём его таланта в поэтические картины деревенской жизни, святочного гаданья, в причудливую сказочность сна Татьяны.

Да и сам облик пушкинской героини, цельность, страстность и глубина её натуры созданы стихией народной жизни.

Шёл к концу 1825 год. Весть о декабрьском восстании застала Пушкина работающим над пятой главой романа. Лист рукописи «Онегина». На полях портреты декабристов: Пущин, Кюхельбекер, Рылеев.
52

А через полгода он узнал о казни пяти руководителей восстания и ссылке в Сибирь „120 друзей, братьев, товарищей“. Лист из черновиков «Онегина». Среди портретов знакомых и незнакомых людей изображение виселицы с пятью повешенными. Запись: „И я бы мог...“

Трагический отсвет этого события ложится на шестую главу. Дуэль.

Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтиться ль полюбовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

Ленский—дань романтическим мечтаниям пушкинской юности. Восторженный поэт, верящий в совершенство мира. Работая над образом Ленского, Пушкин делает и такую запись:

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. за Пушкиным приехал фельдъегерь из Москвы. Николай «простил» опального поэта. «Своею милостью он хотел погубить его в общественном мнении, а знаками своего расположения покорить его»,—писал впоследствии Герцен.

Николай I.

И всё-таки радость встречи с Москвой после 15-летней разлуки заглушала тревожные предчувствия.

Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Но радость встречи была недолгой. «Возвратившись, Пушкин не узнал ни московского общества, ни петербургского. Друзей своих он уже не нашёл, даже имена их не осмеливались произносить вслух... всё было мрачно и объято ужасом» (Герцен).

Петербург 30-х годов.

Из Петербурга с его чиновным холодом он пишет в Тригорское Осиповой: „Пошлость и глупость обеих наших столиц равны, хотя и различны“.

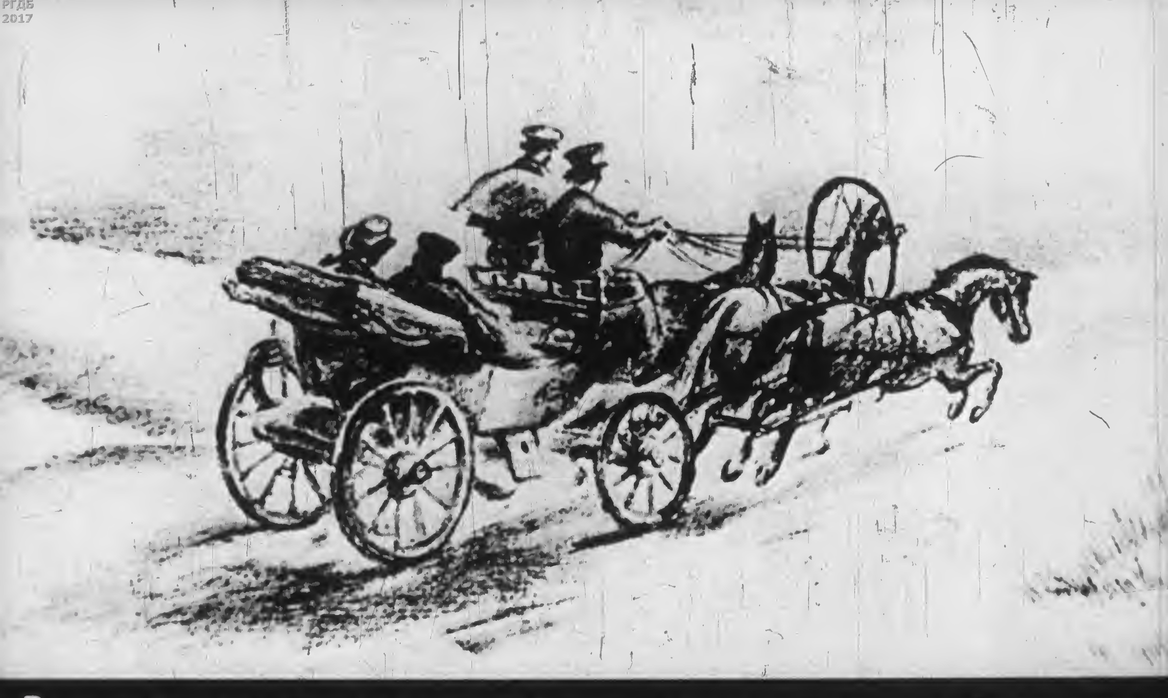
Этим настроением пронизано описание бала в последней, восьмой, главе. В злых и резких зарисовках петербургского большого света чувствуется отношение Пушкина к последекабрьской России.

Тут был однако цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лицы,
Необходимые глупцы...

Неудивительно, что поэт берёт под защиту своего героя среди этой чужой и враждебной толпы:

Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нём?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всём,
...Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры,
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

Восьмой главе в первоначальном варианте романа предшествовала глава о путешествии Онегина, объясняя многое в изменившемся облике героя. Нижний Новгород, Одесса, Крым — его рассеянному взору медленно открывается Россия.

Друг Пушкина Катенин писал: «...сверх нижегородской ярмарки и одесской пристани Евгений видел военные поселения, заведённые гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую».

Сходная судьба постигла впоследствии и X главу, задуманную как хроника России первой четверти века. Война с Наполеоном, лицемерный и трусливый царь, возникновение первых тайных обществ. Онегин мог «попасть в число декабристов». Но замысел не был осуществлён. В 1830 г. в Болдине Пушкин сжёг X главу, оставив в зашифрованном виде её начальные строфы.

...И вот бал в Петербурге. Испытавший удары судьбы, по-новому увидевший мир, Онегин встречается с Татьяной.

Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Вспыхнувшее чувство — и окончательный крах надежд на личное счастье.

Роман о «времени и о себе», вобравший в себя так много образов, чувств и дум, спутник восьми лет его поэтического труда был отдан на суд читателя.

И чьё-нибудь он сердце тронет;
И сохранённая судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет,
И молвит: то-то был поэт!

Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

КОНЕЦ

Экспериментальный диафильм по литературе
для средней школы
сделан по заказу
Министерства просвещения РСФСР

Автор М. Файнберг
Консультант Т. Цявловская
Консультант-методист Л. Прессман
Художник-оформитель И. Булатова
Редактор В. Чернина

Д-139-67

Студия „Диафильм", 1967 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Чёрно-белый 0–20